

УДК 159.923
ББК 88.52
Ш 93

И.Б. Шуванов

Кандидат психологических наук, доцент, заведующий кафедрой общей психологии и социальной коммуникации социально-педагогического факультета Сочинского государственного университета туризма и курортного дела; E-mail: schuvanov@rambler. Ru

ПЕРСПЕКТИВЫ СУБЪЕКТНОГО ПОДХОДА К АНАЛИЗУ ЭЛЕМЕНТНОЙ БАЗЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ БЕЗОПАСНОСТИ СУБЪЕКТА ЖИЗНИ

(Рецензирована)

Аннотация. Актуальность исследования заключается в назревшей необходимости разработки методологических «ключей», раскрывающих способы практической актуализации холистической природы человека, обосновывающих практические перспективы синтеза уже существующих методологических подходов к пониманию сущности и природы опасности и безопасности. Цель исследования: интерпретация содержания и перспектив субъектного подхода к анализу психологической модели безопасности субъекта жизни. Объект: психологическая модель безопасности субъекта жизни. Предмет: субъектный подход как методологическая основа анализа элементной базы психологической модели безопасности субъекта жизни. Основная задача: обосновать объяснительный алгоритм субъектного подхода в выведении элементной базы психологической модели безопасности субъекта жизни. Показано, что «субъектный подход» предполагает вариативность значений «субъектности». На основе субъектного подхода выводится психологическая природа опасности и безопасности, они относятся к сфере *субъективности* социального субъекта, представленной «мотивационным блоком переменных» его субъектности, задаются как оппозиция, на которой основана психологическая техника произведения бытия социальным субъектом - «переживание опасности/безопасности». Введен концепт «переживание без-опасности», выражающий «психологическую технику произведения бытия этносом», за которой стоят перспективы гармонизации тех аспектов программы жизни, что выстроены на оппозиции «опасность/безопасность» при гипертрофированном объективировании «опасности» в представлениях социального субъекта.

Ключевые слова: субъект жизни, субъект, субъектность, социальный субъект, этнос, идентичность, опасность, безопасность.

I.B. Shuvanov

Candidate of Psychology, Associate Professor, Head of the General Psychology and Social Communication Department of the Social-Pedagogical Faculty, the Sochi State University of Tourism and Resort Business; E-mail: schuvanov@rambler. Ru

PROSPECTS OF THE SUBJECT APPROACH TO THE ANALYSIS OF ELEMENT BASE OF PSYCHOLOGICAL MODEL FOR SAFETY OF THE SUBJECT OF LIFE

Abstract. The urgency of the research is caused by the ripened necessity of working out the methodological “keys” disclosing the ways of practical actualization of holistic human nature, proving practical prospects of synthesis of already existing methodological approaches to understanding the essence and nature of danger and safety. A research objective is an interpretation of the content and prospects of the subject approach to the analysis of psychological model for safety of the subject of life. The object of study is a psychological model for safety of the subject of life. The subject of study is the subject approach as a methodological basis for the analysis of element base of psychological model for safety of the subject of life. The primary goal is to prove explanatory algorithm of the subject approach in deducing the element base of psychological model for safety of the subject of life. It is shown that “the subject approach” assumes variability of meanings of “subjectness”. On the basis of the subject approach the psychological nature of danger and safety is deduced. They are referred to the sphere of *subjectivity* of

the social subject presented by “the motivational block of variables” of his subjectness and are set as opposition on the basis of which the psychological technics of product of life by the social subject – “a danger/safety experience”- is based. The concept “experience of safety” is introduced, expressing “the psychological technics of product of life by the ethnos”. It means prospects of harmonization of those aspects of the program of life that are built on the basis of “danger/safety” opposition at hypertrophied objectivity of “danger” in notions of the social subject.

Keywords: the subject of life, the subject, subjectness, the social subject, ethnos, identity, danger, safety.

Сегодня «субъектность» – широко обсуждаемый в психологии и интенсивно разрабатываемый концепт [1]. Плодотворно реализуются идеи «философско-антропологической онтологической концепции познания» [2, с. 23] С.Л. Рубинштейна, «субъектно-деятельный» подход А.В. Брушлинского, креативная интерпретация их идей связана с появлением «субъектно-бытийного подхода» [3, 4].

В статье предлагается определенная трактовка некоторых понятий, введенных С.Л. Рубинштейном в работе «Человек и мир». Эта трактовка оказалась перспективной в отношении, казалось бы, «частной темы», если сравнить ее с тем мировоззренческим философским масштабом, к которому обращался С.Л. Рубинштейн. Речь – о теме безопасности человека, еще новом предмете исследования в психологии: в частности, существует путаница в трактовках «безопасности», т.к. не маркирован ее «источник». Это говорит о том, что необходимо ввести «безопасность» в более широкий тематический контекст, обозначить «исходную» для ее анализа систему отношений и назвать субъектов этих отношений, понять способ взаимодействия гипотетических «субъектов» с тем, чтобы высветилось содержание и границы и того плана анализа безопасности, который может интересовать психологию по преимуществу.

На наш взгляд, категория «субъект жизни», через которую С.Л. Рубинштейн дал «просочиться» в психологию живому и проживающему жизнь «человеку», выражает способность человека порождать многомерное бытие, разворачиваясь в процессе порождения именно в качестве «субъекта жизни», того, кто имеет *опыт субъектности* в смысле *процесса порождения* жизни как *становления* собой, многомерным человеком. Признавая опыт субъектности неоднородным и нелинейным процессом, мы вправе задавать и феноменологию «субъекта жизни», считая возможным рассматривать его как имеющего *структуру*.

В понятие «субъектность», т.о., вкладываем значение «процесса», «порождения бытия» (интендирования) в ритме непрерывающегося становления человека человеком, и субъектный подход связан для нас, в первую очередь, с проведением идеи *становления бытия, произведения бытия*, которое (бытие) оказывается «мерой» человека именно как человека, вне-природного, ко всему прилагающего «свою мерку», и поэтому - «субъекта жизни», который именно вследствие критерия «меры» и сам может быть «измерен» и «просвечен», в частности, психологическими методами.

На «универсальном» уровне обобщения «субъект жизни» превращается в категорию, идеально задающую стратегию выведения других концептов, в совокупности и очерчивающих ойкумену «субъектного подхода». Так понимаемый субъектный подход и берется нами на вооружение в анализе проблемного поля психологических аспектов безопасности человека как «субъекта жизни», заставляя изучать не «психические» или психофизиологические механизмы безопасности, но, ориентируя искать конструкты, выражающие «целое». Таким «конструктом» можно считать «психологическую модель безопасности субъекта жизни».

Предполагая, что существует и поэтому подлежит теоретической реконструкции *психологическая модель* безопасности субъекта жизни, важно понять, что «безопасность» не может рассматриваться абстрактно, как безопасность «вообще»: безопасность принадлежит субъекту жизни. Значит, как само понятие «субъект жизни»

(гносеологический аспект анализа), так и содержание и структура субъекта жизни (онтологический аспект анализа) становятся точкой отсчета, «инстанцией», по отношению к которой определяются значение и место безопасности.

Можно по-разному понимать значение этой «инстанции», считая ее «носителем», «исполнителем», либо «источником» безопасности, наделять ее статусом фактора, «порождающего» безопасность. Именно в этом, последнем значении, нас и интересует понятие «субъект жизни», которому мы отдаем «полномочия» за сам факт существования безопасности, за ее границы или за ее отсутствие. Выдвигается гипотеза: в *структуре* субъекта жизни есть место и *психологической модели* безопасности (1), эта модель распознается по характерной для нее «элементной базе» - концептуальному каркасу, напоминающему «сеть», в ячейки которой попадают «элементы», из взаимодействия которых и «связывается» структурно упорядоченный сюжет всей «модели» (2).

Изначально «субъект жизни» вводится как «инстанция», трансцендентная по отношению к безопасности, безопасность оборачивается «частным» случаем проявления «порождающих» интенций «субъекта жизни», поскольку он способен «порождать» и другие феномены. Неизбежное в этом случае «онтологическое» допущение – аксиома о нелинейном характере «субъекта жизни» - позволяет конкретизировать «субъекта жизни» до тех, исторически сложившихся в социокультурной истории человечества, его *форм*, среди которых имеет «конечную область значений», свой «жизненный мир» и та форма «субъекта жизни», которая «воспроизводит» такой феномен, как «безопасность». Но мы вправе предположить, что среди уже существующих форм «субъекта жизни» может быть и такая, порождающая способность которой не связана «на выходе» с таким феноменом, как «безопасность», а точнее, с таким, предшествующим «безопасности» феноменом, как «опасность». Расширенная гипотеза такова: психологическая модель безопасности субъекта жизни опирается на «конечную область значений», в которую вписан определенный жизненный сценарий субъекта жизни. Эта конечная область значений обусловлена и ограничена особенностями *способа существования субъекта жизни*. Субъект жизни, воплощаясь в иных формах, иначе выстраивая свою жизнедеятельность, способен к психологическому моделированию жизни «без опасности».

Эвристичность отнесения «безопасности» к полю значений «субъекта жизни» заключается в том, что безопасность «записывается» в «*субъект(но)-жизненный*» контекст «субъекта жизни», в котором и обретает свою телеологию и эсхатологию. Подключая безопасность к семантическому пространству «субъекта жизни», мы вправе обращаться, говоря и о психологической модели безопасности, ко всем «сопутствующим» «субъекту жизни» категориям и тем, что описывают его с точки зрения «волны», процесса, и к тем, что описывают его с точки зрения «частицы», «ставшего», относительно завершенной целостности, выстраивая с их помощью объемную категориальную сеть, позволяющую понять природу и сущность как «безопасности», так и упреждающей ее «опасности». К концептам, раскрывающим «субъекта жизни» с точки зрения «процесса», относятся, на наш взгляд, «субъектность» и «жизнь», а концепт, представляющий «субъекта жизни» в качестве «целостности», - это введенное нами понятие «форма субъекта жизни».

Субъектный подход – методологический «ключ» к обоснованию новой проблематизации темы безопасности человека, позволяющий преодолеть то фактическое положение дел, которое уже сложилось в отношении понимания сущности безопасности: очевидны ее «постфактичность» и «несамодостаточность», она определяется опасностью, превращается в зависимый от опасности и, как следствие, в провоцирующий опасность феномен. Психологический «эффект» терактов, страх неопределенности, запугивание людей эсхатологическими предсказаниями и неуправляемыми катастрофами в масштабе Земли в СМИ были бы просто невозможны, если б в информации об этих «опасностях» не учитывались уже сформированные стереотипные представления людей о собственной безопасности. И рано или поздно в метро или в собственном доме, на остановке или в

школе люди сталкиваются с опасностью с трагическими для себя последствиями. Выжившим или случайно избежавшим опасности достаются «в наследство» страх и фобии, от которых невозможно избавиться. На почве страха растут цветы нонконформизма, особенно яркие в среде молодежи. Но такой нонконформизм не направлен на созидание жизнеутверждающих идеалов и стратегий, не повышает жизнестойкости и не придает жизни оптимизма. В конечном счете он либо приводит к выбору психологии «массы» (я – такой как все), либо к самоизоляции (астенический синдром шизофрении), либо к появлению экстремистских настроений, скрывающих бессознательный либо осознанный протест против опасности, обернувшейся демиургом.

Это заставляет научную рефлексю не только повернуться к проблемам генеалогии и семантических границ оппозиции «опасность/безопасность», природы и сущности этих «феноменов», к необходимости объяснить неизбежные негативные социально-психологические следствия, обусловленные формированием у людей в процессе социализации установок на опасность и безопасность, но и к поиску методологических «ключей», раскрывающих способы практической актуализации холистической природы человека, обосновывающих практические перспективы синтеза уже существующих методологических подходов к пониманию сущности и природы опасности и безопасности.

Анализируя работу С.Л. Рубинштейна «Человек и мир», становится заметно стремление автора выйти за границы «субъект-объектной» парадигмы: именно это стремление заставляет его говорить не просто о «субъекте», но именно о «*субъекте жизни*», снимая тем самым «разделенность» теперь уже «субъекта жизни» и самой «жизни», переставшей быть «объектом». Именно поэтому следует различать понятия «субъект» и «субъект жизни»:

1. «Субъект жизни» – концепт отечественной философии и психологии, введенный С.Л. Рубинштейном (1955-1958) для характеристики *позиции человека* по отношению к проживаемой им жизни в целом. Т.о., позиции могут быть разные, но речь о такой позиции, которая вырабатывается только «человеком как субъектом жизни». Эта *позиция* конкретизируется как установка на преобразование/преобразование/ произведение «жизни» в «бытие» в *ритме становления*. В зависимости от глубины или степени выраженности этой позиции («качества» позиции) жизнь субъекта жизни обретает *измерения* «бытия». В контексте «перевода жизни в бытие» бытие всегда есть бытие субъекта жизни, а субъект жизни – бытийствует.

2. «Субъект» - концепт, разрабатываемый в гносеологии и онтологии познания. В гносеологии – это «единица» в системе отношений «субъект – объект», может использоваться только в «связке» с «объектом». Субъект – тот, кто осуществляет воздействие на объект. Объект – то, что (кто) испытывает воздействие субъекта.

В онтологии познания «субъект» характеризует человека (субъекта жизни) как того, кто наделен *определенной* мотивацией и волей (к *действию*), как агента, *иницирующего* отношение к чему- или кому-либо, в то время как то, к чему он относится, выступает в качестве «объекта» воздействующей активности «субъекта». «Субъект» в этом значении выражает одно из «свойств» (особенность характера) субъекта жизни.

Активность субъекта имеет определенные характер и направленность, не тождественна тому масштабу и объему активности, которые присущи интегральному «субъекту жизни». Если иметь в виду интегрального «субъекта жизни», то качество его «активности», раскрывающееся на уровне мотивационной *системы и деятельности*, представляет «субъекта жизни» как *источник* и того особого рода активности, который получил название «субъектность».

«Субъектность» – концепт, используемый в отечественной психологии личности, для выражения *содержания одного из способов бытия* субъекта жизни и одновременно одного из *способов бытия субъектом жизни*. С помощью этого понятия формулируется и психологический *механизм производства бытия* субъектом жизни. «Субъектность» показывает и *направленность* активности субъекта жизни к преобразению жизни в

направлении идеала (полноты бытия субъектом жизни) или к *порождению* идеального себя, преобразующего реальное себя. В отношении субъекта жизни справедливо говорить об *«интегральной идентичности»* как общей направленности его субъектности.

Если субъект жизни может быть представлен в различных исторических формах, то и субъектность может по содержанию и *векторам* направленности быть различной, соответствуя исторически сложившейся *форме* субъекта жизни и определяя ее существенные черты одновременно. И здесь важно понять, что «субъект жизни» может быть «субъектом» «субъектности», осуществляя ее, а может и «не быть субъектом» «субъектности», реализуясь в ней. «Вектор» направленности субъектности и образуется вследствие проявления этих особенностей *характера* субъекта жизни.

В зависимости от того, какая «ипостась» субъекта жизни - «субъектная» или «бессубъектная» - задействована в «субъектности», субъектность субъекта жизни тоже может быть по характеру как «субъектной», так и «бессубъектной», а сам субъект жизни может быть введен, по меньшей мере, в двух формах: «субъектной» и «бессубъектной» по характеру, чему также будут соответствовать два вектора направленности субъектности, *укорененные в «интегральной идентичности»*.

Концепты, выражающие два характерологических ряда интегрального субъекта жизни и представляющие собой «формы» субъекта жизни, - это «социальный субъект» и «этнос»: характерная особенность «социального субъекта» - «быть субъектом», в то время как «этнос» по характеру «бессубъектен».

«Социальный субъект» – концепт социальной философии, философии политики, социологии и социальной психологии; исторически сложившаяся форма субъекта жизни, представлен в таких «модусах» своего бытия, как государство, гражданское общество, класс, страта, большая/малая группа (н-р, гендер, молодежь, брак, коллектив, др). Как категория, «социальный субъект» обобщает опыт жизни на основе дифференциации интересов, закрепления разделения труда институтом частной собственности, обособления индивидуумов в процессе цивилизационного развития. Данный *опыт* жизни может быть представлен как определенная структурная упорядоченность. В соответствии с этим и «социальный субъект» может быть рассмотрен как определенная *структура*, с последующей кодификацией ее «единиц» как *«измерений социального субъекта»* или *«ресурсов социального субъекта»*.

Единичный социальный субъект (онтогенез) подчиняется *групповой* психологии «коллективного социального субъекта» (социогенез), подключаясь к ее нормам в процессе социального научения и социализации. Социальный субъект следует стратегии жизни, именуемой *«идентификацией»* и варьирующей в социально-приемлемом диапазоне ролей-уподоблений. В соответствии с вышесказанным идентификацию следует рассматривать как *«вектор»* направленности субъектности социального субъекта.

«Этнос» – категория социальной философии, этнографии, этнологии, этнопсихологии, культурной антропологии; исторически сложившаяся форма человека как субъекта жизни. Как *категория*, «этнос» обобщает опыт жизни на основе «общности», «согласия», «со-причастности» как *универсальную тенденцию бытия данного субъекта жизни*. Этнос «высвечивается» в таких модусах бытия «общности», как «семья», «род» («община»), «народ». Каждый из этих «модусов» настолько соответствует себе, насколько она «несет» и воспроизводит «константы» этноса.

Психологическое ядро системы отношений этноса, это - «чувство-мы», задающее этносу *идентичность, тождественность себе* как базовую ценность и поэтому как основную константу этноса. Идентичность выступает стратегией этногенеза, сворачиваясь в символические системы культуры, и транслируется ими, «закодирована»: в менталитете, включающем нравственные установки (этнос), в языке, традиции, религиозном сознании, образе жизни, присущих, н-р, семье, или народу. В отличие от интегральной идентичности субъекта жизни, этнос, стремящийся к идентичности, *особым* образом проходит этот путь посредством символа-творчества, составляющего ядро культурного

творчества и представленное в различных модусах бытия этноса по-своему. В контексте вышесказанного идентичность, к которой устремлен этнос, представляет собой «вектор» направленности его субъектности.

Если считать, что субъект жизни дан в различных формах, то субъектность может быть различной не только по «направленности», но и по содержанию и по техникам произведения бытия, соответствуя исторически сложившейся форме субъекта жизни. Особенно привлекает понятие «техника произведения бытия» субъектом жизни. Это понятие, касаясь всего состава субъектности, может быть конкретизировано и в своей «субъективной» части как «психологическое сопровождение» субъектности субъекта жизни. В этом смысле правомерно говорить о «психологической» технике произведения бытия субъектом жизни. Здесь выдвигается гипотеза:

- двум исторически сложившимся формам субъекта жизни соответствуют различающиеся психологические «техники» произведения бытия, входящие в состав субъектности, занимающие в субъектности определенное место и подлежащие верификации;

- предполагаем, что субъектность может быть представлена как структура, состоящая из двух блоков «переменных субъектности»: «мотивационного» блока переменных и «поведенческого» блока переменных. Понятие «психологическая техника» произведения бытия субъектом жизни концентрируется в «мотивационном» блоке переменных субъектности;

- можно говорить, по меньшей мере, о двух «психологических техниках» произведения бытия субъектом жизни: одна из них - «переживание опасности/безопасности», и эту «технику» можно ввести в состав элементной базы психологической модели безопасности, другая - «переживание без-опасности», относимая нами, как «элемент», к психологической модели «без опасности». Т.о., «переживание опасности и безопасности» и «переживание без-опасности», а вместе с ними и обе психологические модели вводятся в содержание «субъектности» двух форм субъекта жизни, уместаясь в «мотивационном блоке» субъектности, или в субъективном плане субъектности.

Поскольку «социальный субъект» и «этнос» признаны двумя формами интегрального «субъекта жизни», то соответственно «распределение» «психологических техник» произведения бытия между ними следующее: мотивационный блок переменных субъектности *социального субъекта* включает «переживание опасности и безопасности», а мотивационный блок переменных субъектности *этноса* включает «переживание без-опасности». При этом обе психологические модели оказываются подчиненными двум стратегиям жизни, двум векторам направленности субъектности: психологическая модель безопасности – идентификации социального субъекта, а психологическое моделирование «без-опасности» ориентировано на идентичность, к которой устремлен этнос.

Самоорганизация человека в субъектностном усилии к полноте интегральной идентичности производит «порядок», предстающий в «двух» формах. Одна форма «порядка» подчиняется принципам этики и эстетики самобытия, единящими человека с человеком и с многогранной жизнью, переживаемыми как чувство полноты бытия и доверия себе. В таком порядке нет того, что принято называть «опасностью». А, следовательно, нет и «безопасности»: она не востребована, потому что неведома опасность. Этот «порядок» и включает «переживание без-опасности» как психологическую *технику субъектности*, направляя мотивацию субъекта на «сопричастие бытию», «включенность» в бытие. Можно говорить о той конкретно-исторической форме, в которую вылился этот «порядок», обратившись к филогенезу человечества и увидев в его истоках формы самоорганизации в виде «общностей» различного масштаба – семьи, рода, народа, объединяемые категорией «этнос».

Другая форма «порядка» основана на конвенциональной установке «различия» и дифференциации, на выбор и рациональное целедостижение. Таков «социальный

порядок», «ставшей» формой существования которого является «социум», а субъектом жизни такого «порядка» выступает «социальный субъект». «Социальный порядок» «держится» на опыте жизни на основе различия, «отличия от ...», автономизации индивидуумов, чему соответствует *групповой характер* и самого социального субъекта. В этом смысле «социум» как групповое объединение отличается от «общества», критерием сосуществования в котором является «общность» (тотальность) жизни. Социальная форма порядка также восходит к субъектности, но принадлежит она уже другому субъекту жизни, меняя и область значений: субъектность превращается в *свойство* данного субъекта жизни, расшифровывается как активность особого рода, связанная со способностью преобразовывать, изменять «окружающую среду» согласно своим *целям*, сформированным его *субъективным выбором*. Вот этот, целевой, компонент субъектности данного субъекта жизни и требует от него именно «быть субъектом». Субъектность в этом значении опирается на «рационализированный» образ «субъекта жизни», а «субъектный подход», утверждающий приоритет субъекта жизни по отношению к «субъектности», утверждает инициативный, волевой и целерациональный аспект позиции данного «субъекта жизни» именно как *субъекта* по отношению к среде как к *объекту*. Одновременно с приоритетом «цели» задается и направленность так понимаемой субъектности – *идентификация*, благодаря которой утверждается ценность отличия, закрепляемая оппозиционистской языковой моделью мира.

Инстанцию, по отношению к которой разворачивается идентификация и утверждается значение отличия, выражает понятие «Другой»: утверждающийся по отношению к Другому как «другому» субъект обретает свое уникальное, ориентированное на *выбор «Я»*. Только удерживая границы своего «Я», социальный субъект может быть инициатором целерациональной активности. «Конечный пункт» этой активности и связан с представлением о «безопасности»: изменить имеющиеся условия (среду-объект) так, чтобы «я» смогло пребывать и действовать в «новых» условиях наиболее для него *комфортно, самодостаточно и суверенно, т.е., чувствовать себя в безопасности*. Возникает двойственный образ Другого: он воспринимается и позитивно, как условие собственной безопасности, и негативно, как источник потенциальной угрозы своей суверенности. Т.о., для того чтобы быть субъектом, «социальному субъекту» требуется негатив как таковой, *требуется опасность*, чтобы чувствовать и воспроизводить потребность в границе и, укрепляя ее, *переживать* гарантированность своей, иницированной им самим, субъектности! Из этого следует, что потребность в восприятии Другого как «опасности» и «опасного» – ключевая потребность и *запрос* именно социального субъекта. Опасность раскрывается здесь как психологический феномен, которому придано значение «угрозы» чувству стабильности существования. Социальный субъект производит и «носит» в себе две базовые потребности: одну – в опасности, другую – в безопасности. При *чувстве* любого отклонения от естественной установки на свое «Я», при *чувстве* «отстранения» и «отчуждения» «Я» не по собственной воле субъекта можно говорить о ситуации психологической угрозы, о нарушении границ суверенности субъекта или об *опасности*. В этом смысле и «опасность» есть переживание социального субъекта.

Итак, мы попытались обосновать, что «субъектный подход» предполагает вариативность значений «субъектности». На его основе выводится психологическая природа опасности и безопасности, они относятся к сфере *субъективности* социального субъекта, представленной «мотивационным блоком переменных» его субъектности, задаются как оппозиция, на которой основана психологическая техника произведения бытия социальным субъектом - «переживание опасности/безопасности».

Вводится концепт «переживание без-опасности», выражающий «психологическую технику произведения бытия этносом», за которой стоят перспективы гармонизации тех аспектов программы жизни, что выстроены на оппозиции «опасность/безопасность» при

гипертрофированном объективировании «опасности» в представлениях социального субъекта.

В перспективе возможно конкретное эмпирическое изучение «кризисов идентификации», переживаемых социальным субъектом в различные возрастные периоды, как содержащих признаки и психологические синдромы социальной девиации (н-р, экстремизма) для того, чтобы своевременно выработать адекватную технологию ее профилактики, с одной стороны, а с другой - увидеть в этих «кризисах» фрустрированную потребность в подключении к идентичности этноса, переживаемую как «утрата себя» и самоотчуждение, и, не дожидаясь «естественного» выпадения субъекта в агрессивное, регрессивное или депрессивное состояние и поведение, психологически искусно подключить его к актуализации психологических кодов восприятия жизни «безопасности», благодаря и технике субъектности, обозначенной нами как «переживание безопасности».

Реконструкция психологической модели безопасности субъекта жизни, как и психологической модели «безопасности», даст возможность гибко выстраивать практическое приложение теории, направленность которого видится в коучинговой деятельности психологов, отслеживающих, с одной стороны, какой вид, форма, безопасности востребованы в жизненной ситуации конкретным субъектом, а, с другой стороны, в пограничных ситуациях «недееспособности» регулятивной функции оппозиции «опасность/безопасность» позволит компетентно и вовремя помочь актуализировать запрашиваемые субъектом жизни мотивационные тенденции, которые продвинул его к горизонту восприятия жизни «безопасности», а значит, будут ориентировать его не на «борьбу с опасностью», но «снимать» *саму ситуацию опасности как таковую*.

Примечания:

1. Личность и бытие: субъектный подход: материалы второй Всерос. науч.-практ. конф. Кн. 3 / под ред. З.И. Рябикиной, В.В. Знакова. Краснодар, 2004. 314 с.

2. Абульханова К.А., Славская А.Н. Предисловие / Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. Человек и мир. М., 2003. С. 6-33.

3. Рябикина З.И. Субъектно-бытийный подход к изучению развивающихся личность противоречий // Психологический журнал. 2008. Т. 29, № 2. С. 78-87.

4. Рябикина З.И. Личность как субъект формирования бытийных пространств // Субъект, личность и психология человеческого бытия / под ред. В.В. Знакова, З.И. Рябикиной. М.: Изд-во Ин-та психол. РАН, 2005. С. 45-58.

5. Белик А.А. Специфика исследований психологической антропологии. Психоанализ и психологическая антропология // Личность, культура, этнос: современная психологическая антропология / под общ. ред. А.А. Белика. М.: Смысл, 2001. С. 31-51.

References:

1. Personality and objective reality: subject approach: materials of the 2nd All-Russian scientific-practical conference. Book 3 / ed. by Z.I. Ryabikina, V.V. Znakov. Krasnodar, 2004. 314 pp.

2. Abulkhanova K.A., Slavskaya A.N. Foreword / Rubinstein S.L. Being and consciousness. A person and the world. M., 2003. P. 6-33.

3. Ryabikina Z.I. The subject and objective reality approach to studying the contradictions developing a person // Psychological journal. 2008. V. 29, № 2. P. 78-87.

4. Ryabikina Z.I. Personality as the subject of being spaces formation // Subject, personality and psychology of human life / ed. by V.V. Znakov, Z.I. Ryabikina. M.: Publishing house of Psychol. institute of the RAS, 2005. P. 45-58.

5. Belik A.A. The specific character of psychological anthropology researches. *Psychoanalysis and psychological anthropology // Personality, culture, ethnos: modern psychological anthropology* / ed. by A.A. Belik. M.: Smysl, 2001. P. 31-51.